

Противодействие радикализму на Северном Кавказе

Иван А. Бабин, Антон Чаблин, Алексей Казанцев, Мохаммед А. Кешам, и Юрий В. Васильев

Составлено и отредактировано Фредериком Лабарром

Резюме: Эта статья является сокращенной версией сборника работ семинара Рабочей группы по исследованию конфликтов Консорциума ПрМ, который был проведен в Берлине, 7-9 ноября 2016. В семинаре, озаглавленном «Противодействие радикальному исламу на Северном Кавказе», приняли участие представители Германии, Польши, Румынии, России, в том числе и с Северного Кавказа. Он был организован Консорциумом ПрМ по инициативе Ивана А. Бабина, директора Центра научных и социальных инноваций (Ставрополь, Россия) и барона Удо фон Массенбаха, президента Германо-американской бизнес ассоциации. Председателем конференции была Кармен Рижновеану. Задача семинара состояла в подчеркивании серьезности исламской радикализации на Северном Кавказе и рассмотрении ее в качестве симптома более широкого геополитического и социального переворота в глобальном масштабе. Поставив ударение на масштаб проблемы, наши российские гости также подчеркивали, что успешная борьба с такими движениями, как ДАИШ, требует сотрудничества Восток-Запад. Такое сотрудничество должно помогать открытому диалогу между великими силами в нашей подпитываемой на Украине и в Сирии «Холодной войне». Безотлагательность и сотрудничество были одними из тем, которые мотивировали каждую из презентаций на семинаре. В этой работе собраны презентации, которые в наибольшей степени отражали цели семинара. Здесь они представлены в переводе и после редакции, при понимании, что изложенные в них мнения являются мнениями только авторов, и не отражают позицию никаких ведомств и организаций. Каждый компонент идентифицирован его автором, и все части перемежаются короткими комментариями, предназначенными для придания целостности всего документа.

Ключевые слова: Кавказ, терроризм, радикализм, ислаимзм, религия, гражданское общество, средства массовой информации.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК КОНТРИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Антон Чаблин

По данным Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ) в рядах ИГИС в Ираке и Сирии на данный момент находятся приблизительно 31 000 боевиков. Для сравнения, на пике Аль-Каида имела 3 000. Со стороны регулярных национальных сил, это приблизительно половина Корпуса морской пехоты США и чуточку меньше, чем половина всех вооруженных сил Канады (все виды вместе).

Сравнение с регулярными армиями имеет смысл, поскольку ИГИС стремится к государственности и имеет экономику. В целом, оно стоит около 2 миллиардов долларов США, и может рассчитывать на 2-3 миллиона долларов в день от нефтяных доходов, поскольку под его контролем находятся нефтяные месторождения и небольшие нефтеперерабатывающие заводы, продукция которых продается через Турцию.¹ Эти доходы позволяют ему привлекать иностранных боевиков, выплачивая им где-то от 1000 до 4500 долларов в месяц. Это большая сумма, которую российская и северокавказская экономика особенно трудно могут превзойти. Поэтому не удивительно, что вторым по значимости местом происхождения иностранных боевиков является Россия.

Экономическое стимулирование является важным фактором, делающим возможным радикализм, фактор, который серьезно усложняет задачу полиции и разведывательных служб, поскольку «профилирование» в таком

---

¹ Идея, что ИГИС активно стремится к государственности, является частью мифологии и вербовочной пропаганды ИГИС. Нужна ли ему государственность, чтобы уцелеть, еще предмет споров. Однако, имеются доказательства, существует корреляция между доходами группировки и контролируемые ею территориями. В результате этого, военные усилия были направлены на выполнение стратегии с двумя задачами – уменьшение возможностей получения доходов (в основном связанными с нефтью и газом) и уменьшение территории, контролируемой группировкой. По некоторым источникам, последние числа месячных поступлений ИГИС где-то на уровне 4 миллионов долларов, что намного меньше, чем 45 миллионов в 2015 году. Для дополнительной информации, смотри Erika Solomon, Guy Chazan and Sam Jones, “ISIS Inc.: How Oil Fuels the Jihadi Terrorists,” *Financial Times*, October 15, 2015, www.ft.com/content/b8234932-719b-11e5-ad6d-f4ed76f0900a, и Ahmet S. Yayla and Colin P. Clarke, “Turkey’s Double ISIS Standard,” *Foreign Policy*, <https://foreignpolicy.com/2018/04/12/turkeys-double-isis-standard/>, а так же Mara Revkin and Jacob Olidort, “Does ISIS Need Territory to Survive?” *New York Times Room for Debate*, October 26, 2016, www.nytimes.com/roomfordebate/2016/10/21/does-isis-need-territory-to-survive; и Bennett Seftel interviewing Patrick Johnston: “Oil, Extortion Still Paying Off for ISIS,” *TheRANDBlog* (RAND Corporation, 27 October 2017), www.rand.org/blog/2017/10/oil-extortion-still-paying-off-for-isis.html. Все онлайн источники проверены 28 сентября 2018.

случае становится ненадежным. Например, 26-летний Шамиль Абдулазизов, религиозный неопит без образования и карьерных перспектив, тем не менее прошел террористическую подготовку в Сирии. Тогда как Марлуд Керимов, 21 год, был обещающим студентом медицины из нерелигиозного семейства, чьи члены занимали важные должности в аппарате безопасности на местном и государственном уровне. Третий случай, Беслан Медаев, закончил юридический факультет Северокавказского университета и перед ним лежала обещающая карьера адвоката. Он и его жена перешли через всю Чечню, чтобы добраться до Сирии, где он стал инвалидом. Поэтому социально-экономические условия являются важным объясняющим инструментом для выборов, сделанных будущими радикалами.

Другим способствующим фактором является преобладающее и привлекающее – если не вызывающее привыкание – влияние социальных медиа. Роберт Херриган, директор ШКПС Соединенного Королевства, считает, что социальные медиа стали сетью командования и управления террористами. Здесь нет места объяснять механизмы, через которые социальные медиа оказывают влияние на поведение. Однако, тем не менее, возможно предположить, что отдельные лица могут быть восприимчивыми к позитивным посланиям и могут быть отклонены от совершения террористических действий, несмотря на социальные условия. Позитивные послания, в том числе публичная похвала и признание для тех, кто решил НЕ присоединиться к ИГИС, могут быть одним из методов.

Центр научных и социальных инноваций поддерживает и информирует о деятельности, которые он и другие неправительственные организации осуществляют, обращая внимание на положительные примеры молодых людей, которые не поддались на песню сирен ИГИС. Вместе с тем, Центр исправно информирует свою аудиторию об отрицательных физических, правовых и социальных последствиях само-радикализации.

Однако, местные мозговые центры и даже большие государственные ведомства не располагают средствами, которыми пользуется ИГИС. Поэтому победа над радикальным исламом с использованием собственных средств ИГИС не может быть достигнута только благодаря стильной контрпропаганде. Вызов, брошенный радикализмом, требует согласованных и совместных усилий многих акторов и стран. Мы считаем, что необходимость в безотлагательном решении этой проблемы достаточно сильна, чтобы геополитические противники объединили свои силы.

ЦЕЛЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНОМУ ИСЛАМИЗМУ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Иван А. Бабин

Анализ, выполненный нашим «Центром научных и социальных инноваций» в Ставрополе, показывает, что религиозный фактор играет немалую роль в активировании экстремистского поведения молодых людей. Но было бы

ошибкой считать, что феномен «исламского радикализма» полностью обуславливается религиозными причинами. «Исламский радикализм» усугубляется фактом, что обычное выражение протеста против трудных материальных условий и социальной несправедливости, наряду с проявлениями преступности, находит религиозное оправдание в сознании молодежи. Неслучайно сегодня на Северном Кавказе пристальное внимание обращается на религиозную и идеологическую индоктринацию молодого поколения исламистскими лидерами.

Радикальные исламские лидеры, пытаясь легитимировать и де-секуляризировать социальные отношения, обычно преувеличивают роль религиозного фактора в протестных действиях молодых людей. Таким образом, они пытаются открыть новые возможности для активизации процесса радикализации молодежи на Северном Кавказе. Три подхода помогают смягчить проблему радикализации молодежи на Северном Кавказе: 1) мы должны подчеркивать агрессивный и произвольный характер религиозного экстремизма, в частности радикального ислама; 2) важно брать в расчет особенности и сложности отдельных регионов Северного Кавказа, и 3) мы должны понимать как интернет и социальные сети усиливают саморадикализацию молодых людей.

Есть и другие факторы, которые надо учитывать. Для начала необходимо рассмотреть внешние факторы – политические, идеологические и социально-экономические условия радикализации молодежи. Наряду с ними существуют «внутренние» факторы, которые не менее, если не более, важны. Особое внимание следует обратить на местную историю и культуру, на качество взаимодействия между общностями, с одной стороны, и с властями, с другой. Также нельзя пренебрегать ролью диаспоры молодых лидеров и этно-конфессиональных ассоциаций.

Во-вторых, рекомендуется и поощрение создания официальных, признанных и законных местных институций и систем, чья задача состоит в осуществлении противодействия и устранения влияния агрессии и конфликтов. Задачей этих институций должна быть дискредитация экстремистского нарратива, притупление эффекта публикаций, литературы и материалов, пропагандирующих социальное неподчинение, на физических носителях или онлайн (в интернете и в социальных медиа) с уклоном в радикальную исламистскую идеологию. Их деятельность должна быть направлена на изучение природы конфликта и развития тенденций, характерных для Северного Кавказа, и подготовка почвы для эффективного диалога для разрешения противоречий между общностями.

И наконец, по нашему мнению, методы предотвращения радикализации среди молодежи на Северном Кавказе должны учитывать специфику этого региона, а также предусматривать сотрудничество с духовенством. Русская православная церковь, православные семинары, сообщество суфиев, организации гражданского общества и духовная администрация мусульман на Северном Кавказе должны сотрудничать друг с другом.

Подготовка для превенции религиозного экстремизма включает общение с лидерами разных молодежных ассоциаций путем создания инновационных форматов взаимодействия (театральные технологии, фильмовые клубы, группы изучения языков, добровольчество в целом и другие). Также, обеспечение и координацию дальнейшей деятельности по предотвращению религиозного и идеологического экстремизма среди молодых людей следовало бы осуществлять на основе Центра Российской Академии Наук и Государственной думы. Разработка и популяризация альтернативных радикальным и экстремистским идей и нарративов могла бы происходить в формате инициатив Машук 2016 и Домбай 2016. Эти инициативы направлены на стимулирование патриотизма, мультикультурализма, образования, физического и духовного здоровья.

Разработка основанных на интернете – и социальных сетях – информационных систем, предназначенных для превенции саморадикализации, дополнила бы описанные выше меры. Все эти деятельности повысят способность молодежи Северного Кавказа оказывать сопротивление радикальному исламу, решать этно-конфессиональные конфликты и обеспечивать мир в регионе.

В заключение, важно подчеркнуть положительный опыт России в борьбе с исламским радикализмом, в частности, на Северном Кавказе. В условиях роста исламистских и джихадистских движений под флагом Исламского Государства, который является серьезным вызовом российской государственности, необходима серьезная адаптация подходов к отношениям государство-конфессии и религиозной политике. В этом плане, первейшей задачей является понять кто может стать главным союзником в борьбе с исламским радикализмом, даже если приветствуется любой новый союзник.

Целью должно быть формирование общего «Российского ислама» в качестве традиционной версии этой мировой религии, реализованной в специфических социально-исторических национальных рамках. Такая версия является лучшим способом сохранить собственную веру, и в то же время, лояльность к российской власти, государственности и культуре. В этой рамке «Российский ислам» подразумевает, что идеологически, политически и организационно нахождение в России не мешает, а помогает сохранить свою религию, веру своих предков, а не некий «чистый» ислам, привнесенный извне и не связанный с традициями людей, живущих в России.

Россия, как хорошо известно, делает все по-своему. Концепция «Российского ислама» не нуждается в точном определении. Достаточно понимать, что мульти-конфессиональный, мульти-культурный и мульти-национальный характер Российской Федерации приводит к sui generis [своего рода] примирению. Нижеприведенное изложение аргументирует точку зрения, что главной целью – большой стратегией – контррадикализации должны быть культура и вера в рамках сильной и стабильной России.

Однако, российская демократия тоже является уникальной. Исламский радикализм бросает вызов ее развитию в разных аспектах. Сторонникам российской демократизации следует знать, что увеличивается угроза того, как радикалы используют демократическую открытость (и в западных режимах тоже) и культурное равноправие для обращения центров веры против государства. Это не новое явление; оно называется «ентриизм» и является угрозой для любой демократии, как бы ни установленной, и как бы ни развитой она не была.

ИСЛАМСКИЙ «ЕНТРИИЗМ» В РОССИЙСКОМ РЕЛИГИОЗНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Юрий Васильев

Россия является мульти-конфессиональной страной. По разным оценкам, в России проживает от 20 до 30 миллионов мусульман, в том числе и рабочие мигранты из Средней Азии, около 78 миллионов православных христиан, сотни тысяч католиков, евреев, буддистов и представителей других религий. В последние десятилетия наблюдается активная политизация религии среди населения Европы и Азии. Чаще мы слышим о политизации ислама, о исламском фундаментализме, радикальном исламе и идеологии исламизма. Не секрет, что радикальный ислам, с присущей ему идеологией экстремизма и терроризма, стал угрозой для мировой безопасности. Россия не в стороне от этих проблем и полностью осознает глобальную опасность радикального ислама как в стране, так и за ее пределами (т.е. в Сирии, Ираке, Ливии и Средней Азии).

Мусульмане сегодня являются самой молодой конфессиональной группой в мире. Средний возраст в мусульманском мире составляет всего 23 года, тогда как в глобальном плане средний возраст верующих 28 лет. Для сравнения, возраст христиан составляет 30 лет, а буддистов 34. Возможно поэтому из-за возраста и из-за отсутствия харизматических религиозных фигур мы никогда не встречаем термины политическое христианство, политический буддизм, политический иудаизм и т.д., тогда как о политическом или радикальном исламе говорят как о реальном явлении. Однако, нам нужно четко понимать, что на этой основе не следует бороться с исламом. Есть искушение делать так, поскольку мусульманские радикалы и экстремисты используют фразеологию ислама, используют риторику исламских проповедников и прикрывают себя исламскими лозунгами. Однако, в основном, это просто псевдорелигиозный пафос, который преследует идеологические и политические цели. Здесь мы отвергаем эту точку зрения, потому что на Северном Кавказе большинство мусульман проповедует исконно традиционный или умеренный ислам. Мусульмане часто называют себя радикальными хариджитами (которые покинули ислам). Чувства верующих являются

чем-то священным, что мы должны ориентировать на общество и на государство.

Умеренный ислам призывает к простой жизни и к работе, а не к борьбе или выражению политического протеста. Вот почему умеренные мусульманские политики, работающие в этой напряженной ситуации, теряют популярность среди определенных сегментов общества, особенно среди молодых людей. Сегодня молодежь имеет обостренное чувство справедливости, которое проявляется в радикальных словах, чувствах и действиях. Около 30 % молодых людей на Северном Кавказе исповедуют радикальный ислам, и этим нельзя пренебрегать.

Умеренный ислам позволяет нам формировать межконфессиональный мир, сотрудничество и гармонию, также как и православное христианство. Традиционное христианство пропагандирует мир и диалог, и вся его деятельность подчеркивает межконфессиональную терпимость. В течение последних пяти лет город Ставрополь принимал Всемирный русский народный собор – проводимый христианской церковью, социально-политическими организациями, региональными властями с активным участием всех вероисповеданий – пример сотрудничества, мира и конструктивности.

Я хотел бы отметить, что православное христианство, будучи институционализированным в лоне самой Церкви, не пытается создавать христианские религиозные организации на гражданской основе или гражданские организации на религиозной основе, ограничивая себя до просветительской деятельности среди верующих, в основном по религиозным праздникам. В дополнение к этой деятельности, Церковь во все большей степени принимает участие в общественных патриотических событиях, усиливая образовательное влияние на молодежь и на взрослое население. Процесс создания структур гражданского общества в России в секторе религиозных организаций является весьма впечатляющим, если бросить взгляд на приведенную ниже Таблицу 1.

Религиозные организации в целом вносят существенный вклад в формирование гражданского общества и выполняют некоторые важные социальные функции: образование, профессиональное обучение, социализация молодого поколения, пропаганда политического секуляризма и религиозной терпимости.

Картина с исламом несколько иная. Распространение радикального политического ислама усиливается. Наиболее беспокоящим является расширение исламистских сетей в разных важных видах социальных медиа, направленные на воздействие на молодежь, официальные власти и криминальный мир. Сейчас формируется «Ваххабитский интернационал», который совершает или несет ответственность за преобладающее большинство террористических нападений в Российской Федерации. Особенно тревожным признаком духовного обнищания является феномен новообращенных. Лица славянского происхождения, этнические русские и христиане принимают ислам и очень скоро сами становятся радикальными лидерами. В

Таблица 1: Религиозные организации / Организации гражданского общества на Северном Кавказе.*(Источник: Министерство юстиции Российской Федерации)*

Территория/Регион	Общее # религиозных организаций	# мусульманских организаций
Чеченская республика	133	125
Дагестан	784	753
Ингушетия	19	16
Кабардино-Балкария	192	136
Карачаево-Черкесия	172	123
Северная Осетия	103	22
Ставрополь	505	48

настоящее время наблюдается увеличение числа муфтий, которые не находятся под контролем Духовного управления мусульман. Это позволяет радикальным исламистам регистрировать себя в качестве независимых организаций, занимать официальные позиции и говорить от имени всех мусульман. Они пересиливают официальные власти и вытесняют традиционных мусульман из сотрудничества с государством и гражданским обществом. Под личиной «умеренного ислама» они требуют от властей обеспечивать права верующих. Одновременно с этим экстремисты проникают в руководство основных традиционных мусульманских ассоциаций и меняют их приоритеты и отношение к радикализации.

Прогнозы на будущее развитие радикального ислама в России не радуют. Конечной целью радикалов является установление полного контроля над всем российским исламским пространством (к 2030 году в России мусульмане будут составлять до 50 процентов населения). В то же время, действия радикалов скоординированы. Они располагают существенной финансовой и информационной поддержкой. В Дагестане одна мечеть приходится на 1000 человек, тогда как в православных регионах России одна церковь приходится на 10-15 тысяч человек. Число мечетей в России за последние двадцать лет увеличилось на 70 процентов.

Только объединенные действия всех сил мусульманского гражданского общества в сочетании с поддержкой славянского христианского населения могут остановить развитие нынешнего сценария. Если это не произойдет в следующие несколько лет, для России станет все труднее оставаться секулярным и демократическим государством.

Радикальные исламистские организации пытаются взять под свой контроль ключевые институты гражданского общества, и они используют уже существующие гражданские социальные сети для своих радикальных целей в обличе «миссионерской», а на деле разрушающей общество деятельности. Радикализм, в особенности исламский, использует как базу гражданского общества, хотя на деле является его антитезисом. Радикалы говорят как будто от имени и с лозунгами гражданского общества, защищая права верующих. Они развиваются как организации, которые пытаются использовать социальную базу гражданского общества для идеологической и политической трансформации существующих институций, постепенно осуществляя изменения в руководстве и невидимую для внешнего наблюдателя постепенную перемену курса организации.

Гражданское общество культивирует, по определению, последовательно оппозиционный и критический взгляд на деятельность государства. Как раз это и позволяет радикалам от ислама имитировать и прятаться под социально конструктивными лозунгами, под религиозной и этно-религиозной фразеологией, демонстрируя изощренные методы оказания влияния. Под прикрытием лозунга защиты прав верующих или другой позитивной социальной деятельности, радикалы постепенно превращают каждую мечеть в идеологический центр радикального ислама. Они осуществляют открыто подрывную деятельность и, образно говоря, индоктринируют и убеждают верующих совершать акты терроризма и мученичества во имя Аллаха.

Радикальный ислам на Северном Кавказе претендует на осуществление глобального религиозного националистического проекта создания единого исламского государства, которое отвечает духу и букве изначального (раннего) ислама. Исламский радикализм на Северном Кавказе имеет, по большей части, псевдорелигиозный характер, являясь одной из форм реализации религиозно-националистических и сепаратистских претензий разных политико-религиозных сил.

На Северном Кавказе пути строительства гражданского общества должны быть несколько отличными от классических подходов. Модель эффективного функционирования гражданского общества как элемента организации социальной жизни на Северном Кавказе должна учитывать религиозный фактор. В этом контексте очень важно пропагандировать «умеренный ислам» и способствовать развитию широкой сети национальных общественных организаций. Концепция «умеренного ислама» предполагает сбалансированный, конструктивный эволюционный подход к развитию мусульманского мира.

В государстве или в регионе, где практикуется ислам, не все должно идти вразрез с исламом. У Северного Кавказа имеются сильные демократические традиции в управлении территориями и этническими общностями (к примеру, у горных *тейпов* Дагестана и других титулярных этнических групп). Механизмы демократии веками работали не через концепцию ин-

двидуальных прав, как в европейских государствах, а через общество, через *адат*, в соответствии с волей большинства и старейшин. Необходимо восстановить институты традиционного общества в современной форме и внимательно включить его институты в структуру гражданского общества в качестве элемента национальной, общинной мудрости и народной демократии. Только такие демократические противовесы помогут гражданскому обществу по настоящему оказывать сопротивление радикальному исламу, клановости, коррупции и разрушению оснований гражданского общества.

Огромные возможности для формирования гражданских устоев социально ориентированной системы ценностей отдельного человека и общества предоставляют образовательные институты и, прежде всего, институты среднего образования и университеты. В процессе образования и воспитания студентов и молодежи можно сформировать идеологические и моральные устои, положительные социальные установки и ценности, необходимые для полнофункционального и толерантного общества.

Образовательные институты являются могущественными рычагами влияния на молодых людей. Вот почему радикальные исламские движения активно захватывают ключевые позиции в системе исламского образования, дискредитируют традиционные образовательные институты и пропагандируют необходимость обучения мусульманских священнослужителей за границей, где их, на практике, всего лишь готовят быть эмиссарами салафизма. В 1990-х более четырех тысяч молодых граждан Российской Федерации получили исламское образование за границей. Сегодня в России более 2 000 имамов получили иностранное религиозное образование, более 3 000 проходят подготовку сейчас и только 200 имеют официальное разрешение главного муфтия на это.

Конечно, в России делается многое, чтобы развить собственную российскую систему исламского образования на Северном Кавказе (Дагестан, Чечня, Ингушетия), в Татарстане (Казань) и в Башкортостане (Уфа). В светских образовательных учреждениях были введены образовательные дисциплины и курсы подготовки, целью которых является воспитание межрелигиозной терпимости и межэтнической гармонии, способности общаться и жить в мульти-культурной среде при взаимном уважении и в дружбе.

И для такой работы имеется социальная основа. Эмпирическое исследование среди случайной выборки из 140 школьников и студентов в 2016 году показало следующую картину. Когда их спрашивали, как они относятся к людям другой религии, 73 процента были нейтральными, 23 процента воспринимали их положительно, и только 4 процента имели отрицательное отношение. На вопрос, при каких обстоятельствах они поддержали бы радикальную религиозную группу, 68 процентов ответили, что они не поддержали бы такую группу при никаких обстоятельствах, 20 процентов не могли ответить, а 5 процентов считали, что они могли бы, если такие группы соответствуют их религиозным взглядам. Четыре процента респондентов коле-

бались между мнениями, что такие ассоциации поддерживают чистоту религии или за существенное денежное вознаграждение. Наконец, два процента делили свое мнение между поддержкой радикальных религиозных групп в условиях отчаянной ситуации или в результате принуждения. И последнее, на вопрос: «Как вы относитесь к людям, которые готовы совершить акт насилия ценой собственной жизни (террористы-самоубийцы)?» 87 процентов имели отрицательное отношение, 9 процентов были нейтральными и «другие» 4 процента считали, что такие люди заслуживают смерть по своему выбору.

Как можно видеть из анкеты, хотя она и не является полностью представительной, большинство молодых людей разного религиозного происхождения не поддерживают установки радикального ислама и настроены на конструктивную консолидацию и сотрудничество независимо от веры и этнической принадлежности. Этим надо воспользоваться.

Хотя доказательства указывают на целостное отвержение исламского радикализма на Северном Кавказе, имеется не менее убедительный набор доказательств, что как движение, радикальный ислам остается латентным риском для региональной стабильности. В следующем параграфе автор утверждает, что основы, которые обеспечили восход ДАИШ, являются результатом почти сорока лет геополитической конкуренции великих сил.

Пренебрежение также является проблемой. После «Арабской весны» великие силы быстро устали от Ближнего Востока. Это отношение есть результат нескольких исторических процессов, среди которых числятся провал арабского национализма и арабского социализма. Последовавшему появлению ДАИШ можно противодействовать только путем примирения между секулярными силами, исламскими клерикальными властями и региональными христианскими церквями. В частности, легитимные религиозные процессы и персоналии следует использовать, чтобы авторитетно разубеждать потенциальных новых сторонников [радикального ислама]. Эти принципы и методы должны находить применение и за пределами Северного Кавказа и стать фокусом диалога между великими силами.

Здесь было бы уместно добавить, что религиозный экстремизм не есть проблема единственно ислама. Это проблема, которая касается и Христианской цивилизации: вспомним церкви в Южных Соединенных Штатах, где жгли Коран. Поэтому, международное и межконфессиональное сотрудничество может оказаться трудно достижимым. Хуже того, современные средства коммуникации могут отдалить стороны друг от друга по этому вопросу.

РОЛЬ РЕЛИГИИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ С ИСЛАМСКИМ РАДИКАЛИЗМОМ

Мохаммед Абдулвахаб Кешам

Сегодня исламский радикализм стал одной из наиболее популярных тем публикаций в СМИ. К сожалению, в погоне за «сенсацией» многие авторы не всегда берут на себя ответственность за такие материалы и только усугубляют проблему.

Часто случается, что аудитория, которая отдалена от опыта ислама, получает искривленное видение мусульман, поддаваясь так называемой «демонизации исламского фактора». Европейского населения боится ислама. «Образ врага» используется недобросовестными политиками в качестве инструмента информационной войны для удовлетворения своих собственных эгоистических интересов.

В свою очередь, сами мусульмане очень чувствительны к любым спекуляциям с их религией. Мусульманская молодежь, не имея опыта с мотивами политической интриги, становится «легкой добычей» для разного рода морально безответственных террористических лидеров. Таким образом, отношения заходят в тупик и не способствуют конструктивному разрешению проблем, связанных с угрозой международного терроризма. Примерами неуспеха такого подхода к «исламскому миру» являются эпитеты «умеренная оппозиция» и «исламизация», которые активно используются СМИ.

Стоит только посмотреть на текущие внутри-сирийский, внутри-семитский и другие вооруженные конфликты, порожденные «Арабской весной», и станет очевидно, что такие квалификации не имеют смысла и являются алогичными. В конце концов, террористы, независимо от их идеи, по определению не могут быть «умеренными», как не могут быть «умеренными» убийцы, насильники или преступники. Так же лишено логики обвинять мусульман в «исламизации» Европы в результате массовой миграции. Она была спровоцирована самим Западом. Конечно, мигранты не всегда являются лучшими представителями арабской цивилизации, что играет на руку пропагандистов «исламской угрозы». В то же время, пропаганда умалчивает факт, что если бы не внешнее вмешательство в дела Ближнего Востока, нынешние мигранты мирно оставались бы в своих отечествах.

Я оставляю за собой право сказать, что диалог между цивилизациями западной и восточной культуры возможен и даже необходим. Но искусственно спровоцированные, ускоренные миграционные процессы, обремененные последствиями враждебности, вряд ли способствуют такому диалогу и только увеличивают потенциал для конфликта. Стоит задуматься над причинами подъема исламского радикализма. Как экономист, я рассматриваю этот феномен в контексте краха идеологической концепции строительства «Арабского социализма», которая когда-то доминировала на Ближнем

Востоке. Вдохновленные советской социалистической моделью, многие лидеры Ближнего Востока (например, Нассер, Каддафи, Асад и т.д.) активно пропагандировали идею консолидации арабского общества на основе национализации основных средств производства и освобождения от колониальной зависимости. На некоторое время это дало сильный импульс развитию национальных экономик стран Ближнего Востока. Развивалась промышленная отрасль экономики, осуществлялись широкомасштабные проекты в сфере транспортной инфраструктуры и энергетики.

Реагируя на «усиливающееся советское влияние», Запад в свою очередь активно поддерживал традиционные арабские монархии. Целью такой политики было искусственное сужение ориентации экономических систем этих стран и ограничение их до роли экспортеров «сырья» и товаров. Это позволило Западу и, прежде всего, США сохранять конкурентные преимущества в других отраслях мировой экономики и осуществлять контроль над ценами энергии.

После краха СССР социалистическая концепция потеряла свою актуальность и нерешенные социальные и экономические проблемы, которые с годами стали накапливаться, только усугубляли кризис национальных экономик этих стран. В условиях «идеологического вакуума» имел место подъем популярности «исламского фактора» в качестве новой идеологической концепции, консолидирующей «Арабский мир» и подпитывающей традиционные для Ближнего Востока антиизраильские настроения. Неразборчивые западные политики и лидеры террористов с готовностью использовали такое развитие событий в свою пользу.

Движение «Арабская весна» пытается изменить последствия деколонизации арабских стран, на первом месте пересмотром результатов национализации основных средств производства в секторах энергетики и транспортной инфраструктуры. Радикальные исламисты, в свою очередь, воображают себе унификацию Ближнего Востока на религиозной основе с целью создать глобальный террористический анклав, отказываясь от идеи бывшего суверенного народного национального государства. Результатом этих процессов на Ближнем Востоке стал ДАИШ. Нет никаких условий для успешного экономического развития региональных государств, когда насилие и абсолютно уникальный случай «государственного» и «международного» терроризма свирепствуют на транснациональном уровне.

Институции гражданского общества и религиозные организации имеют свою роль в борьбе с этим явлением, если учитывать определенные идеологические, политические и экономические аспекты.

1. *Идеологическим аспектом* такого участия является сотрудничество всех прогрессивных сил мирового сообщества и развитие общих подходов к определению отрицательного отношения к ДАИШ и тем политическим режимам, которые поощряют международный терроризм. Это очень могущественный инструмент, если брать в расчет авторитет духовных лидеров, открыто критикующих терроризм.

Исламская доктрина богата примерами обнародования «фетв», которые являются в целом обязательными мусульманскими религиозными установками. Они содержат конкретные объяснения, запреты и правила поведения, которые исключительно ясны и просты для понимания. Эффективным методом издания «фетв», осуждающих ДАИШ, было бы их издание через руководство «Всемирного совета мусульманских ученых», чьи представители официально наделены такими полномочиями и могут предпринимать такие инициативы в интересах верующих.

Не менее эффективной была бы практика координирования усилий публичных институций в организации информации и массовых протестов против бессовестных политиков напрямую в странах, чьи режимы вовлечены в вооруженные конфликты. Политики не могут до бесконечности пренебрегать критикой своих собственных избирателей.

В то же время, я хотел бы привлечь внимание к необходимости учитывать особенности ментальности арабов. Здесь пропаганда «западных ценностей демократии» не работает, поскольку такая «свобода» на Ближнем Востоке, как и в любом консервативном обществе, вызывает отрицательные ассоциации с сексуальной распущенностью, порочностью, то есть с «грехом». В этом смысле Запад не является авторитетом для Ближнего Востока. Для гражданских институций в Европе более важно оказывать давление на свои правительства так, чтобы эти страны открыто демонстрировали «Арабскому миру» свою готовность к равноправному диалогу. Ясным примером такой демонстрации могло бы быть взаимодействие с мусульманами в своей собственной стране. По моим наблюдениям, такой положительный опыт имеется у России. Российские муфтии активно принимают участие в социальной адаптации мусульман и помогают официальным властям эффективно осуществлять внутреннюю политику. Этим, в свою очередь, подтверждается восстановление экономики республик Северного Кавказа, где существовала проблема радикализации мусульман.

2. *Политические* аспекты сотрудничества институтов гражданского общества и религиозных организаций в борьбе с радикализмом должны поощрять принятие правительствами государств, постоянных членов Совета Безопасности ООН, новой резолюции по Сирии, которая включала бы следующие положения:

- a) сами сирийцы должны определять как политическое улаживание внутри-сирийского вооруженного конфликта, так и будущую судьбу народа Сирии;
- b) поддержка террористов под предлогом их связи с оппозиционными силами противоречит международному праву и является незаконным вмешательством во внутренние дела суверенного государства; и
- c) использование военной силы на территории иностранных государств допустимо только если большинство членов Совета Безопасности ООН признает угрозу международного терроризма, которая

исходит из этого региона, не разделяя ее источники на «умеренную» и «чрезмерную» оппозицию.

3. Все прогрессивные силы гражданского общества обязаны оказывать содействие социальной адаптации мусульман в странах Ближнего Востока. Ключевым аспектом такого содействия могла бы быть разработка рекомендаций по занятости мусульман в рамках международных экономических проектов, требующих минимального участия иностранной рабочей силы. Те самые организации, действуя в поддержку таких проектов в качестве «наблюдателей», могли бы устанавливать зарплаты в соответствии с местным стандартом жизни. Используя этот «рынок рабочей силы» вне Ближнего Востока, можно было бы организовать через создание международного агентства рабочей силы с аккредитацией его подразделений в странах, испытывающих нехватку рабочей силы. Это могло бы эффективно предотвращать стихийную и неконтролируемую миграцию.

И наконец, я хочу снова подчеркнуть, что проблема радикализации мусульман сегодня является проблемой всего мирового сообщества, а не только самих мусульман. Только мировое сообщество может разрешить эту проблему.

Тогда как в предыдущем разделе рассматривались способы международного и межконфессионального сотрудничества, следующий материал предупреждает нас о рисках, вытекающих из продолжающихся разногласий между великими силами. Противостояние великих сил продолжает играть на руку более малых игроков, которые поддерживают радикализм. Кроме того, конфронтации отвлекают внимание от общей угрозы, каковой является радикализм, и мешают им нести свою ответственность за эффективное сотрудничество против ДАИШ. Риск не в самом ДАИШ, как таковом. Скорее, это влияние и авторитет, приобретаемые покровителями террористов в тот момент, когда великие силы исчерпывают себя.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКО-ЗАПАДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ

Андрей Казанцев

Основная идея здесь в том, что российско-западное контртеррористическое сотрудничество может иметь место, несмотря на нынешние разногласия по Украине и Сирии, Афганистану и Центральной Азии. Так же, некоторые проблемы, связанные с Кавказом, имеют свои корни на Ближнем Востоке, и поэтому их разрешение будет иметь положительное влияние на Кавказ.

Для начала, давайте обрисует позиции великих сил в отношении Ближнего Востока. Каждый знает, что Россия и Запад имеют противоречия в борьбе с террором, особенно в случае с Сирией. Позиция Запада сводится к четырем пунктам: 1) Асад и его режим должны исчезнуть с сирийской политической сцены; 2) Россия должна не воевать против секулярной или умеренной исламской оппозиции; 3) Россия должна не использовать непропорциональную или не-дискриминирующую силу, особенно в Алеппо, и 4) Россия на той же стороне, что и некоторые шиитские террористические организации, например Хезболла.

Официальная позиция России по этим критическим вопросам такова. Во-первых, режим стабильности в Сирии важен, поскольку если Сирия превратится в несостоявшееся государство, как Ливия или Афганистан, это означало бы нарастание террористической угрозы для всех. Провал государства в Ливии уже происходит. Так же, с точки зрения Кремля, смена власти в Сирии должна быть легитимной и не основываться на простом вооруженном свержении правительства Асада, которое все еще остается законным в глазах некоторых групп в Сирии, в особенности для религиозных меньшинств. Конечно, сирийская государственность не есть синоним режима Асада, но на практике революция в Сирии против его режима открыла ящик Пандоры, прецедент, которому может последовать множество разных этнических групп, что вызовет огромные потрясения на Ближнем Востоке на годы, если не на десятилетия, вперед.

Во-вторых, очень трудно провести линию разделения между радикальной и умеренной оппозицией, учитывая, что в Сирии на деле существуют сотни разных полевых формирований, которые еженедельно меняют свою аффилиацию. В результате этого, часть военной помощи, предоставляемой Западом, оказывается в руках террористических групп, связанных с Аль-Каидой, например ан-Нусра.

В-третьих, в современной партизанской войне технически очень сложно использовать силу пропорционально и избирательно. Американский опыт в Афганистане и Ираке очень хорошо это показывает. Поэтому, это не политическая, а чисто техническая проблема, и расширение сотрудничества между Россией и Западом, в особенности в сфере разведки, может способствовать преодолению этой проблемы.

Несмотря на все это, компромисс между Россией и Западом все еще возможен, и он мог бы основываться на следующих рекомендациях: 1) совместно согласовать общий список террористических организаций в Сирии; 2) расширение сотрудничества в борьбе с этими группами, в особенности с ИГИС и ан-Нусра; 3) сохранение сирийской государственности и достижение согласия на осуществление политической реформы в Сирии и формирование демократического коалиционного правительства, которое включало бы представителей всех значимых групп, включая курдов, сирийских алавитов и христиан.

В числе плюсов можно упомянуть, что Россия и Запад официально пришли к соглашению о необходимости бороться с международным терроризмом в Афганистане и Центральной Азии. Это является важным каналом для диалога, который может способствовать сотрудничеству, несмотря на ситуацию с украинским конфликтом.

Я бы предложил следующие измерения нашего сотрудничества в отношении Афганистана:

1. Увеличение помощи правительству Афганистана. Запад, и в особенности Европа, сегодня склонны пренебрегать Афганистаном, и это большая ошибка. Многие эксперты считают, что если будет осуществлен полный вывод американских войск, афганское правительство падет. Отрицательные тенденции в Афганистане очевидны. Налицо широкомасштабная дестабилизация, особенно в ранее стабильном Северном Афганистане, где имеет место переход террористических групп из Северного Пакистана, приток денег с Ближнего Востока, возрождение Аль-Каиды и проникновение ИГИС.
2. Увеличение российской и западной помощи Центральной Азии в сфере безопасности. Растет заразная нестабильность, распространяясь из-за дестабилизации афганского Севера. Так же, как ИГИС присоединяются иностранные боевики, например полковник Халимов, новый «министр обороны» ИГИС. Назревающий экономический кризис может стимулировать террористическую деятельность даже таких стабильных государств, как Казахстан. Из-за этого потенциально возможна новая волна миграции к ЕС, на этот раз из Центральной Азии и Афганистана. Россия не имеет практики широко применять свое законодательство о политическом убежище, так что в России смогут остаться только те мигранты, которые будет возможно экономически абсорбировать.
3. Нам следует интенсифицировать наш диалог по ненасильственным мерам предотвращения радикализации и вербовки в террористические организации. Сегодня это огромная проблема как для ЕС, так и для России. По официальным оценкам, сейчас Россия является второй страной после Туниса и перед Саудовской Аравией, из которой наиболее часто выходят иностранные боевики на Ближнем Востоке. Две наиболее опасные террористические организации на постсоветском пространстве – Кавказский эмират и Исламское движение Узбекистана – объявили себя подразделениями ИГИС.

И наконец, нам следует организовывать больше общих российско-западных дискуссий по вопросам контр-терроризма и контр-радикализации. Это важно в практическом плане, учитывая, что террористическая угроза направлена против всех и учитывая, что возможно, это будет наиболее важ-

ным каналом для стратегического диалога в ситуации так называемой новой Холодной войны. К сожалению, имеется слишком мало возможностей встречаться и обсуждать такие вопросы, представляющие общий интерес.

Семинар РГИК по Противодействию исламскому радикализму на Северном Кавказе был очень успешным, поскольку он рассмотрел несколько аспектов современного конфликта.

На стратегическом уровне, РГИК свела вместе региональных экспертов, которые редко находят платформу на Западе, и мы счастливы, что смогли предоставить такую. Их взгляд на геополитическую конфронтацию был новым, как и их аргументация в пользу «цивилизационного» сотрудничества перед лицом вездесущей угрозы исламского радикализма.

На региональном уровне, нам редко выпадает привилегия получить сжатую информацию от экспертов, прибывших из этого региона. Эксперты показали, что проблемы Северного Кавказа являются показательными для наличия более широких структурных проблем, которые имеют международный резонанс. В результате этого, Северный Кавказ является микрокосмом, который может оказать влияние на другие регионы и другие общности в мире.

На оперативном уровне, семинар стал отличной возможностью проверить нашу коллективную ориентацию в отношении состояния межконфессионального конфликта – вопрос, к которому РГИК только мимолетно прикоснулась при разработке своей Справочной учебной программы по борьбе с повстанцами (СПБП) в 2015-2016.

СПБП была бы не нужна, если бы существовали эффективные методы борьбы с радикализацией. Факт, что Консорциум ПрМ только сейчас начал заниматься этим вопросом, является доказательством того, что это чувствительная тема. Принимая этот семинар, мы надеемся, что на предшествовавших страницах мы поставили основы более частых и более разнообразных встреч на международном, межконфессиональном и меж-цивилизационном уровнях.

Сотрудничество является одной из тем, которые приветствовались на предыдущих страницах. Второй темой было то, что необходимо более согласованное использование современных методов коммуникации для победы над нарративом ДАИШ. В конечном итоге, это предполагает, что не только наше гражданское общество и религиозные власти объединят свое усилия, но также, что наши социально-экономические модели должны быть благоприятными для большего числа людей. Статистика всех сторон цивилизационного раздела показывает, что сейчас это не так.

И наконец, риски, присущие раздорам великих держав, невозможно переоценить. Если не начнется диалог по наиболее существенным разногласиям, мы, вероятно, станем свидетелями повышения авторитета

наших противников, которые поддерживают исламских радикалов и укoрeнения нигилистических посланий против установленных сил. Поэтому мы бы посоветовали объединить наши силы.

Оговорки

Эта статья является компиляцией информации, представленной на семинаре Рабочей группы по исследованиям в сфере безопасности Консорциума (РГИБ), и поэтому не содержит цитирования и источников информации, как это обычно бывает в статьях журнала *Connections*. Поскольку это протокол работы РГИБ, ПрМ не гарантирует точность любой представленной информации. Выраженные точки зрения и представленная участниками семинара РГИБ и автором этой статьи информация являются исключительно их позицией и не отражают официальную точку зрения КПрМ. Они не отражают и точку зрения какого-либо государственного ведомства сторон, участвующих в Совете управляющих КПрМ: Австрии, Канады, Германии, Польши, Швеции, Швейцарии, Соединенных Штатов и международной администрации НАТО.